

Короткая долгая дорога к дому

● Печальный репортаж из зоны

ШУМИТ, бурлит Чернобыль, разукрашенный пестрыми весенними красками, букетами цветов, разноцветными одеяниями и характерным говором прогуливающих по улицам горожан. Вот замедленно, никуда будто не торопясь осанисто вышагивают группы немолодых людей, порой оживленно жестикулируя; а вот, по всей вероятности, три подруги, переплетая руками, секретничают о чем-то сокровенном, интимном, предназначенном не для постороннего слуха: пробежала стайка десятилетних сорванцов, вечно куда-то спешащих; седой ветеран, замерев, как изваяние, устремился думами в далекое прошлое, где он также был молод и беззаботен, как эти хлопчики, без груза пережитого; увиденного, оплаканного...

Нет, это не картинка из бывшей жизни опаленного ядерным смерчем городка над Красавицей Припятью — это была, сегодняшняя реальность. Жаль, что эта реальность лишь несколько раз в году — в Пасхальные праздники и День Победы, 9 мая, — снисходит на Чернобыльскую землю. И именно такую картину можно было наблюдать в этом году здесь, в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС.

Зона отчуждения... Таковой ее называют специалисты, законодатели, ликвидаторы аварии; это понятие прочно закрепилось в газетной терминологии, думается, оно займет одно из мест в энциклопедических словарях и справочниках. Кто живет вне чернобыльской символики как-то не сопротивляясь, свикся с тем, что этот даже негеографический парадокс слишком уж отдает обезличенным казенным штампом, за которым, увы, сокрыта незаживаемая кровоточащая рана на теле Украины. Однако есть люди, для которых это не только загрязненная радионуклидами земля, реки, озера, луга, леса, покинутые дома — это люди, лишенные родины, им чернобыльская сторона

по-прежнему остается самым близким, дорогим воспоминанием, самым красивым уголком вселенной. Поэтому, покуда в живых останется хотя бы один чернобылянин, он будет сюда приезжать на поклон могилам предков — один за всех, с которыми судьба так немилосердно обошлась.

А пока их много, кто чуть свет, собрав специально приготовленный к этому торжественному дню харч, ждут именно тот автобус, который доставит их... все же домой — в Чернобыль. И сразу — на кладбище: первым делом убрать могилки, посидеть, помянуть по христианскому обряду, встретить старых знакомых, потолковать.

Встречи, слезы, объятия...

— Ты где сейчас?

— Да в Харькове обосновались. А ты?

— Из Белой Церкви приехали, всей семьей, домашние пошли побродить по кладбищу, поведаться с людьми.

— Катя, Катя, это же я!

— Галя, ты ли? — и сразу в объятия, и сразу причитания. — Подружка, сколько же мы не виделись, ты откуда добиралась?

— Еле из Николаева добрались, а ты из каких краев?

— С мужем приехали из Днепропетровска, — и замолчали.

Чувствую, кто-то присматривается к нам, глядя Владимир Лагошний, со всей родней стоит у могилы отца, матери, дядев, в руке наполненная рюмка:

— Не забыли, сколько это мы с вами не виделись? — спрашиваю.

— Ровно год, с прошлого Дня Победы. Вот поминаем...

Интересуемся, как работает, как дети, все ли здоровы (Владимир Павлович — директор Чернобыльской школы-интерната в Володарке, не раз прихо-

дилось беседовать, созваниваться, обсуждали наши общие проблемы, чем газета может помочь пострадавшим детям)?

— Эх, не спрашивайте... Недавно, на Пасху, схоронили девочку, умерла от лейкоза. Что мы только не делали — не помогло. Анечкой Чалой звали... В Новошепеличах жила, эвакуировалась вместе с нами. Ушла спустя семь лет после аварии!

— Много ли еще таких, как Аня, эвакуированных из Чернобыля у вас учится?

— Тридцать семь. Другие уже разлетелись, — кто остался жив, — по городам и весям, многие до сих пор приезжают в интернат, другие пишут, звонят. Но новый контингент учеников требует также много заботы и ласки, ведь тоже прибывают из загрязненных районов: Бородянки, Дитяток, Горностайполя, других. Перед областной госадминистрацией мы поставили вопрос, почему бы на базе нашего интерната, коль у нас накоплен определенный опыт работы с детьми, проживавших на загрязненных территориях, не сделать специализированную школу-интернат по реабилитации детей, познавших пагубное влияние различных доз радиации.

— Я надеюсь, стихи не бросили писать, чернобыльская монотема по-прежнему занимает ваше особое внимание?

— Нет, не бросил. И как не писать, ведь Чернобыль — это боль сердца, здесь я родился, вырос, стал на ноги. Да и какой «сучарь», а именно так нас когда-то называли, забудет свое прошлое? Посмотрите, сколько людей приехало, они что, по принуждению ехали сюда? Все они лишились главного в жизни — возможности в любое время приехать к отцовскому порогу, как это делают люди, которых не затронула Чернобыльская беда. Поэтому каждое посе-

щение Чернобыля для нас сам по себе большой праздник, который мы ждем круглый год...

Десь там, за дощами,

За краем похмурого неба

Живе моя память на батьківських

рідних стежках,

І кличе до себе, і кличе в дорогу

далеку,

Щоб ще раз побачить змертвілий

минулого прах...

Извините, дальше не могу.

Идем дальше, здороваемся со встречаемыми, поздравляем с праздником, нам отвечают, пристально всматриваются, не чернобыляне ли мы? Бывшие жители Чернобыля именно так называют себя, а «чернобыльцами» — ликвидаторов и вахтовиков. «Саша, — обращаюсь к своему коллеге А. Колоту, — давай послушаем молодых, что они думают в эту минуту, помнят ли свой город? Подходим к милой девчужке. Ее зовут Леной, семнадцать лет, в этом году заканчивает школу. В Чернобыль приехала из Белой Церкви вместе с родителями и братом.

— Леночка, вы первый раз приехали на родину после эвакуации?

— Что вы, уже четвертый. Чернобыль помню хорошо. Что хорошего? Лес, река... Родина как-никак.

— Если бы вам сказали, предположим, в Чернобыле уже можно жить, возвратились бы?

— Если бы раньше предложили, может быть, поехала, а сейчас уже нет. Сейчас мы неплохо устроились, квартира хорошая, родители работают, закончу школу, и я пойду учиться или работать в Белой Церкви.

— А я бы приехала, — вклинивается в разговор двадцатилетняя Аленка из Черкасс. — Ми с родными еще надеемся возвратиться сюда. Никогда не ду-



мала, что эта разлука растянется на долгие годы. Очень приятно видеть сегодня здесь, на нашей земле, моих старых друзей, знакомых — смотрю, и душа радуется.

— Вы где жили в Чернобыле?

— По Киевской улице. Дом наш еще стоит, но в таком состоянии, лучше не говорить. Обязательно пойдем его проведать. Понимаете — это мой дом, он навсегда останется моим домом. Обидно за родителей, которые так трудно его строили, а потом все пришлось бросить.

Недалеке от тропинки за столом сидит группа мужчин и женщин, завтракают. Подходим, интересуемся, кто они, откуда приехали. Говорят, что за столом собрались родственники: братья, сестры, жены, мужья, зятья, невестки, приехали из Киева, Вишневого, Чернигова, Белой Церкви.

— Как настроение, довольны, что почти вся родня собралась, как находите Чернобыль?

— Печально, что только раз в году, в Чернобыле, мы все вместе можем собраться. Ну зачем, скажите нам, нужно было разбрасывать чернобылян по всему свету, кому это было надо? Разве нельзя было построить поселок и переселить весь городок, ведь он не такой уж и большой. Другое дело припятчане. Они в Припять приехали из разных мест, им проще привыкнуть и на новых. Сейчас такие цены — не назвонишься, не напишешься, лишний раз не приедешь в гости. Если бы в украинских законах предусмотрели это обстоятельство, если бы в них кто-нибудь вспомнил, какие родственные и человеческие связи уоружены.

Мы безгранично благодарны тем, кто позаботился, чтобы для нас выделили автобусы, бензин, потому что, опять возвращаясь к ценам, значительно меньше число людей в этом году смогло бы приехать в Чернобыль. Что касается нас, то мы ежегодно в Праздник Победы приезжаем домой — именно домой! В этот раз приехали с вечера, ночевали под открытым небом, слушали соловьев, даже кваканье лягушек нам казалось прекрасной песней.

Нам показалось, что в зоне много бездельников. Один нам рассказывал, что он здесь так отвыкает работать, что и дома ни за что не берется. Если бы ввели такую систему: сделали определенный объем работ — отчитывайтесь, отчитались, приступайте к другим. И так постоянно. Чтобы с каждым днем, с каждым вложенным в ликвидацию последствий аварии карбованцем хотя бы частичка чернобыльской земли отвоевывалась у атома. А с такими темпами, с таким отношением, которые мы наблюдаем, не скоро чернобыляне возвратятся домой.

Останавливаем ветерана, на груди которого множество медалей, орденов, просим представиться.

— Я бывший житель этого города, сейчас живу в Богуславе, зовут меня Михаил Иванович Игнатюк, мне семьдесят лет.

— Наверное, тяжело в ваши годы ездить на такие расстояния.

— При чем мои годы, здоровье?! Бывшие жители Чернобыля просто обязаны приезжать сюда ежегодно. В Богуславе мы живем неплохо, но все равно

(Окончание на 4 стр.)

Короткая долгая дорога к дому

(Окончание. Начало на 1 стр.)

тянет сюда, думаю и вспоминаю о нем каждый Божий день.

— Снится?

— Снится. Снится, что уже переехали сюда живем, работаем, все ухожено, вычищено, вымыто — рай да и только. Вот сын куда-то пошел, и с ним бы поговорили. Он приехал из Николаева. Дочь с внуком также здесь.

— Михаил Иванович, а ведь внук-то ваш, думаем, по-иному воспринимает Чернобыль, чем вы?

— У меня много внуков, но не всех можно было привезти. Да, старики больше живут чувствами, чем разумом. Нашему поколению досталась тяжелая жизнь: голод, война, восстановление, а теперь еще эта эвакуация. Хотя бы еще год-два пожить в нормальных условиях, чтобы увидеть, что молодым не придется пережить столько горя, а потом не страшно и умереть.

— В зоне живут много самоселов...

— Давай-ка будем реалистами. Я старый человек и знаю, что говорю. Сейчас думать о возвращении преждевременно. Зачем рисковать здоровьем детей, молодых мам, отцов.

— Значит, потерпите?

— Надо терпеть.

Признаюсь, не часто услышишь такие слова от бывших жителей Чернобыльского района — «надо терпеть». Чаще всего — это обида, что их свободно не пускают в зону, что здесь все прекрасно, жить можно чуть ли не припеваючи. С одним из таких «нетерпеливцев» пришлось повстречаться здесь же, на кладбище. Он развернул целую программу, требовал, чтобы корреспондент обязательно поместил ее в газете, иначе он будет расценивать действия газеты как зажим критики. Представился он Юдиным Зиновием Григорьевичем, бывшим учителем физкультуры школы № 1 города Чернобыля, в настоящее время работает в зоне отчуждения. Вот эта программа.

— Зоны не должно существовать. Она существует для прикрытия Минчернобыля. Право на существование имеет только 10-километровая зона и то с некоторыми оговорками.

В кратчайшие сроки требую создания радиационных карт. Бывшим жите-

лям района свободный въезд и выезд в любой час и в любое время года. С этой целью открыть все дороги и перелески, милицию с КПП убрать, а сами КПП разрушить. Разрешить, кто того пожелает, вольно поселиться в своих домах, вести приусадебное хозяйство, выращенную продукцию вывозить на рынки Киева и других городов. А зона сейчас — рассадник злоупотреблений снизу и доверху. Нег 30-километровой зоне!

Как видим, безапелляционно, решительно, по-солдатски четко и просто решаются кое-кем серьезные социальные и экологические проблемы. И так рассуждают не единицы, таких, кто уже завтра бы перевез семью в зону отчуждения, множество. Прислушаются ли они к В. П. Лагошному, который не понаслышке знает, что такое лейкоз и другие радиационные болячки у детей; М. И. Игнатову, которому также близка память о Чернобыле и не безразлично, что станет с его внуками? Единственно, с чем можно безусловно с черныбыльцами согласится, так это в том, что того Чернобыля, который они знали и который они сохраняют в сердце, больше нет. Отсюда и обида, горечь, поэтому и не всегда объективно воспринимается все, что делается на Чернобыльщине. Но всегда ли они сами похотят жить, с любовью относились к родным местам, природе?

— Мы не ценили Чернобыль, — говорит один из братьев Полевых, которые как-то уныло сидели у могилы матери. — Только в эвакуации до нас дошло, где мы жили и что потеряли. Если наступит час, когда можно будет сюда возвратиться, мы обязаны достойней относиться к своим местам, помня, что нам пришлось пережить и какой ценой.

Часто нас несправедливо обижают, колят глаза льготами. Не правда, черныбыляне очень скромные люди, они не расписывают очереди за дефицитными товарами. Это делают те, кто лишь на миг заскочил в зону, успел отхватить удостоверение ликвидатора или просто нечестным путем его приобрел, даже ни разу не побывав в Чернобыле. Не подумайте, что мы плохо относимся к истинным ликвидаторам, кто не на словах, а на деле работал на стройплощадке Чернобыльской атомной, гасил пожар, собирал и захоранивал графит, за-

грязненный мусор. И сейчас в Чернобыле немало людей, которые по-настоящему рискуют здоровьем, работают на могильниках, вокруг ЧАЭС. Мы лично знаем, кто говорим, ведь и самим довелось участвовать в ликвидации.

...А дальше наступил марш ветеранов к парку Героев. Правда, слишком мало их осталось в живых, и основную массу шествовавших составляли приехавшие в зону черныбыльцы и вахтовики. В парке состоялся митинг, возложение цветов к могилам павших героев, партизан. Потом все разбрелись по своим осиротелым подворьям.

У Дома культуры стоит женщина. Плачет. Ностальгия, кто-то обидел?

— Что случилось, почему так горько плачете, — подходим к ней, — может, нужна помощь?

— Сыночки, — отвечает, — да как тут не заплачешь, приехала, а дома нет. В прошлом году был, а сегодня нет... Я же так стремилась к нему, хотела поубирать, вот и тряпки, веник привезла.

— Конечно, ваше горе можно понять, но убирать в отселенном доме, когда все изломано, загажено?..

— Вот вы удивляетесь, а я каждый год так делаю, и многие черныбыляне так поступают. Сынок мне всегда помогал, и сейчас приехал. Где же мы посидим, у чьего подворья? Поймите — это мое, родное.

— А на новом месте хорошо устроились?

— Где там, ютимся в двух комнатах, теснота, негде развернуться. Обещали восстановить справедливость, предоставить эвакуированным ту жилплощадь, которую они имели до аварии. Чего же не предоставляют? Говорят, кому-то дают, наверное, в хороших ведемствах работают. А мой муж работал в Чернобыльском порту, подчинявшемуся Киевскому пароходству. Пошли на прием к его начальнику, пообещал непременно обеспечить. До сих пор обеспечивает, два года.

Другие, но почти схожие чувства переживает семья, которую мы застали в своем доме по улице Киевской. Посмотрите, взывали к нам, во что превратили наши дома: окна, двери выбили, батареи сняли, загадили. Вот вы нам, журналисты, объясните, как можно ходить

по фотографиям, можно сказать священной реликвии. Ведь на них наши родные, близкие, любимые люди? Зачем нужно было проламывать крышу? Рассказывали, военные соревновались, кто быстрее свалит старую вербу, что росла за нашей хатой. Подъехали тягачом, зацепили дерево тросом, дернули... Вербу свалили, крышу проломали, машина до сих пор с того дня стоит поломанной на выгоне. Ум у них какой-никакой имеется?

Словом, не радостное это занятие ходить по хатам обиженных во многих отношениях людей. Приходилось и нам выслушивать, мягко говоря, нелицеприятную критику, ведь мы также, кто палил, рушил дома ходим в «афганках», работаем в зоне, значит, такие как все. Да нет, не все, и другие не похожи на тех, кто посмел забраться в хату, осквернить ее. Даже если не украл чего — осквернил своим присутствием.

Не веселый получился этот праздник. И 800-летие Чернобыля, и Праздник Победы, и радость встречи с родным городом, людьми, с которыми не виделись многие годы — все затмевает авария, эвакуация, горькая память. Даже концерт, приготовленный силами бывших черныбыльских культурработников, получился печальным. Почему? Да потому, что люди пели, говорили, читали о наболевшем. И две молоденькие дочери Олега Кучера, певца и композитора, которых, казалось бы, сам возраст обязывает петь что-то жизнеутверждающее, бравурное, исполнили свою песню, где нет и намека, что после Чернобыля у какого-то уроженца здешних мест вытравится боль по утере родины.

Нина Момот, один из организаторов концерта, просила перечислить буквально всех, кто участвовал в организации, кто откликнулся на первый зов вновь разбудить черныбыльский воздух музыкой коренных черныбылян, кто сам напросился безвозмездно принять участие, приехав из дальних мест за свой счет и т. д. Думаю, нет необходимости это делать, ведь не в фамилиях дело, а в отношении, человечности. И первое, что отличает хорошего человека от плохого, это духовное желание быть полезным людям, стремление любить ближнего, не сделать человеку больно. К сожалению, в нашей жизни часто происходит по-другому. Поэтому и получают такие невеселые праздники.

Виталий РОМАНОВ.

Фото (на 1 стр.) Владимира САВРАНА.